

УДК 32.019.5

Капицын В. М., Симонова А. И.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Российская Федерация

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА В ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ: ВОЙНЫ ЗА ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЁЖИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление роли Великой Победы и политики памяти в войнах за идентичность молодёжи, их значения для консолидации общества.

Процедура и методы. На основе анализа специальной литературы и эмпирического материала рассмотрена политика памяти как формирующийся теоретический концепт, его связь с исследованиями технологий войн за идентичность. Предмет исследования – память молодёжи о Великой Победе в контексте кризиса идентичности и войн за идентичность. Использован междисциплинарный подход и идентификационный метод в сочетании с системным, сравнительным ценностным методами.

Результаты. Проблематизация темы политики памяти, систематизация политико-психологических механизмов, способствующих формированию общенациональной идентичности и патриотизма молодёжи.

Теоретическая и/или практическая значимость. Изучение политики памяти в контексте войн за идентичность актуализирует значение Великой Победы для обеспечения духовной преемственности поколений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политика памяти, молодёжь, индексы идентичности, молодёжный кризис идентичности, национальная идентичность

СТРУКТУРА

Введение

Историческая память как основа национальной идентичности

Особенности политики памяти в современных условиях

Молодёжная политика и войны за идентичность

Заключение

V. Kapitsyn, A. Simonova

Lomonosov Moscow State University
27 Corp. 4, Lomonosovsky prospekt, Moscow 119234, Russian Federation

THE GREAT VICTORY IN THE POLITICS OF MEMORY: THE WARS FOR THE IDENTITY OF YOUNG PEOPLE

ABSTRACT

Aim. Identification of the role of the great Victory and the policy of memory in the wars for the identity of young people, its significance for the consolidation of society.

Procedure and methods. On the basis of special literature and empirical material analysis, the authors studied the policy of memory as an emerging theoretical concept and its connection with the research of technologies of wars for identity. The subject of the study is the memory of young people about the great Victory in the context of the youth identity crisis and identity wars. The authors used an interdisciplinary approach and an identification method in combination with system, comparative and value methods.

Results. The authors problematized the topic of memory politics and systematization of its political and psychological mechanisms that contribute to the formation of youth patriotism and national identity of Russians.

Research implications. The study of the politics of memory in the context of identity wars actualizes the significance of the great Victory for ensuring the spiritual continuity of generations.

KEYWORDS

politics of memory; youth; identity indices; youth identity crisis; national identity

ВВЕДЕНИЕ

Великая Победа остаётся символьным мега-комплексом, определяющим осмысление многих исторических и современных событий. В свете великого символа существенно переосмысливаются воспоминания о войне и современное бытие в СМИ, риторике политиков и учёных.

На различных площадках обсуждается «политика памяти». Это понятие получило политическое воплощение в практиках, объединяющих значительную часть российского общества. В акциях «Бессмертный полк» и «Дорога памяти» активное участие приняли россияне и граждане многих государств СНГ, соотечественники в «дальнем зарубежье». Данные акты коммеморации наполнили понятие «политика памяти» новыми смыслами, органично включёнными в символьный мега-комплекс Великой Победы, соединяющий историю и деятельность семей; сёл, городов, республик России, СНГ, а также СССР. Оживление личных и государственных архивов, включая публикацию новых документов, увековечивание имён погибших, волнующие митинги, шествия, электронные ленты памяти, почётные звания городов, конференции – всё это проявилось как стремление конкретно отразить личное отношение к исторической памяти.

В год юбилея Победы мы стали свидетелями «резкого обострения войн исторической памяти применительно к событиям и оценке Второй мировой во-

йны» [14, с. 4]. На Украине шла мемориальная десоветизация с сопротивлением ей со стороны отдельных социальных групп. Параллельно в США и Великобритании развернулась борьба с памятниками южан-конфедератов и колониального наследия [3, с. 55]. История Второй мировой войны стала объектом фальсификаций, а память о войне превратилась в политический инструмент влияния. Вновь, как в конце 1980-х гг., некоторым силам удалось вырвать из контекста взаимосвязанных фактов советско-германский договор о ненападении 1939 г., и, забыв о Мюнхенском сговоре 1938 г., углубившем дисбаланс сил, обвинить СССР в развязывании Второй мировой войны, как это сделал Европарламент¹.

Информационно-коммуникационные технологии, когнитивные исследования, искусственный интеллект не отменяют, а наоборот, обостряют интерес к политике памяти и её инструменту – коммеморации как способу передачи памяти о прошлом [17, с. 83]. Такие достижения стали оружием войн за идентичность молодёжи.

Национальная идентичность – объект, на сохранение или разрушение которого направлены усилия многих политических сил. Причина – связь идентичности советского народа с моральными ценностями, способствующими объединению перед лицом новых военных и ментальных угроз. Выявляя источники Великой Победы в 1945 г., исследователи пишут, прежде всего, о морально-политическом превосходстве народа-освободителя. «...К началу Великой Отечественной войны... было достигнуто единство нации. Говоря современным языком, вполне возможно было вести разговор о сформированности советской идентичности, что было достигнуто благодаря мощной пропаганде единства народов СССР» [16, с. 9]. В поздравлении 23 февраля 1945 г. И. В. Сталину У. Черчилль написал: «Будущие поколения признают свой долг перед Красной Армией так же безоговорочно, как это делаем мы, дожившие до того, чтобы быть свидетелями этих великолепных побед»².

Э. Г. Эриксон [21] создал основу для анализа идентичности как многопланового явления, играющего важную роль в обществе и государстве и реализующего политику памяти [10]. Отдельную группу работ составляют исследования о новых конфликтах, разворачивающихся как войны за сознание и идентичность [1; 7; 13]. Кроме того, мы обратились к работам по молодёжной политике. Использована обширная эмпирическая база, в том числе социологические опросы, законодательная и правоприменительная практика.

Основная цель исследования – выявление роли Великой Победы и политики памяти в войнах за идентичность молодёжи, её значения для консолидации общества. Ставятся следующие задачи:

¹ Резолюция Европейского парламента от 19 сентября 2019 г. «О важности европейской памяти для будущего Европы» [Электронный ресурс] // Европейский парламент [сайт]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 19.12.2020).

² ХРОНОС: всемирная история в интернете [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/libris/stalin/sc45_02.html (дата обращения: 20.12.2020).

- проанализировать значение памяти о Великой Победе для сохранения национальной идентичности;
- расширить понимание национальной идентичности как основы стабильности общества и успешного развития государства;
- рассмотреть политику памяти в России как концепт, связанный с технологиями войн за идентичность;
- выявить особенности молодёжи и молодёжной политики в контексте войн за идентичность.

В исследовании используется *междисциплинарный подход*, учитывающий усилия представителей научных дисциплин в разработке проблем политики памяти и идентичности молодёжи. Особую роль играет *идентификационный подход*, поставивший политику памяти в центр формирования национальной идентичности, неразрывно связанной с Великой Победой и её празднованием как важнейшим нарративом. Используются также системный, сравнительный, ценностный *методы*.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Обсуждение конституционных поправок в 2020 г., показало, что проблема исторической памяти близка представителям самых разных возрастных, социальных и профессиональных групп. Их активное участие позволило в год Памяти и Славы придать особый смысл частям 2 и 3 статьи 67.1 Конституции России, коннотациям «тысячелетней истории», «сохранения памяти предков», традиции и обязанности «читать память защитников Отечества».

По данным социологических опросов, 96% россиян (2017 г.) убеждены, что нужно знать историю своей страны, при этом 90% гордятся российской историей и армией, а 83% считают «необходимым вести борьбу с фальсификаторами истории» [14, с. 11]. Для большей части студентов – наиболее активной группы молодёжи – такая память «носит ценностно-позитивный характер, связанный с идеалом подвига старших поколений и с социальным образцом их самоотверженности и любви к Родине» [18, с. 3–4].

Даже на обыденном уровне исследователи выявляют разграничение понятий *историческое знание, историческая память, политика памяти*: «Если знание может и должно носить нейтрально-объективный характер, то память как совокупность представлений, мнений и оценочных суждений общества о своём прошлом, представляет собой уже эмоционально-субъективный и мифологизированный феномен» [5, с. 13]. Отмечается, что «содержание исторической памяти определяется прошлым, но без неё невозможно осмысление настоящего; меняясь в зависимости от социально-исторического контекста, она, в свою очередь, влияет на культурную среду социума [5, с. 13].

Онтологизацию представлений об исторической памяти провел Э. Ассман, считавший, что «культурная память основана на фиксированных точках в прошлом», событиях, не превращающихся в отжившее прошлое, а оживаю-

щих в символах, представляемых в контексте постоянно освещаемого изменяющегося настоящего («прошлое с индексом идентичности»). События с таким индексом привлекают культурную память потомков, потому что событие воспроизводится как «наше» [22, р. 38]. Индекс идентичности – символ духовной силы исторического события, не исчезающей при индивидуальном и ситуативном осмыслении, несмотря на пространственно-временные и субъектные изменения общества, соединяющей коллективную, индивидуальную, национальную идентичности предков и потомков.

Касаясь взаимодействия исторической памяти и идентичности [9], отметим, что такое понимание идентичности частично примиряет споры примордиалистов и конструктивистов. Идентичность человека – состояние, когда для человека существует символ-образец (личность, норма, цель, нарратив), ориентируясь на который он чувствует единение с общностью или государством. Хотя такое состояние не всегда устойчиво, тем не менее, придаёт духовную силу обществу и индивиду. Примордиализм исходит из ограниченных изменений национальной идентичности, тесно связанной с духом того или иного народа, его происхождением. В конструктивизме, акцентирующем внимание на «текучести» и «множественности» идентичностей, улавливается возможность конструирования дополнительных скреп единения с учетом изменений мира и восприятия себя в этом мире.

Такие изменения, затрагивая различные слои общества, в наибольшей степени отражаются на молодом поколении. Особенность молодёжного возраста – испытание серьёзным *кризисом идентичности*. Его признаки: подверженность смене влияний; восприимчивость к идеологиям, обещающим новую мировую перспективу ценой решительного отказа от старой; потребность в преданности чему-то (кому-то); демонстрация резкой и нетерпеливой готовности отвергать и дискредитировать людей (в том числе, иногда и себя); взрывная нетерпимость и искренний аскетизм; склонность к острым впечатлениям и бурному негодованию, к радикальной борьбе с консерватизмом [21, с. 81–83].

С этим связано *влечение к новизне*. Показательно, что в группе 18–25-летних утверждение «жить в непременно меняющемся обществе трудно, но всё-таки интересно» выбрали 72% молодых людей. В то же время в возрасте 26–35 лет – уже 68%. А среди остального населения – не более 50% [8, с. 267–269]. Другая особенность динамизм и мобильность. Изменяясь телесно, духовно, социально, особенно в состоянии «кризиса идентичности», молодые люди теряют и мучительно ищут привычные ориентиры развития, переходя к взрослому периоду.

Влечение к новизне, динамизм и мобильность обуславливают *неустойчивость* молодёжной идентичности, широкий разброс мнений внутри возрастной группы. Социологи Левада-Центра, выявляя отношение к деятельности В. В. Путина на посту президента России (март–апрель 2019 г. – июль

2020 г.), сравнили респондентов в возрасте 55+, у которых доля положительных ответов располагалась в диапазоне от 70 до 80%, и молодых от 18 до 24 лет – у них этот диапазон был от 40% до 70%³.

Всё это объясняет подверженность сознания молодого поколения *внешнему влиянию*, будь то школьная или вузовская среда, коллеги по работе, друзья, СМИ. В современных условиях молодёжь отдаёт приоритет средствам интернет-коммуникации. Для преодоления молодёжного кризиса идентичности, усугубляемого политическими и экономическими катаклизмами, необходимо нейтрализовать внешнее влияние, способное разрушать историческую память, противопоставляя этому материалы о любви к малой родине и Отечеству. По опросам Левада-Центра, большинство молодых людей по-прежнему согласны с тем, что *Россия должна позиционировать себя как «великая держава»* и приветствуют присоединение Крыма к России⁴.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Политика памяти – это продуманная система программ и мероприятий, направленных на защиту и обогащение исторической памяти народа, и особенно молодёжи. Ф. Бродель относил к основным задачам государства «участие в духовной жизни общества, извлечение дополнительной силы из могущественных религиозных ценностей, делая между ними выбор или же уступая им», а также надзор «над живыми движениями культуры, зачастую оспаривающими традицию» [4, с. 521–522]. Политика памяти связывает множество образов и индивидуальных смыслов в воспоминаниях людей, свидетельства документов для выстраивания индексов идентичности – политико-психологических комплексов, объединяющих разные поколения в многоуровневой символической системе.

В такой системе государственная политика памяти может «сверху» артикулировать идеи и образы, обсуждая их с гражданами, получая поддержку «снизу», закреплять символы с индексом идентичности, в том числе в Конституции, законах, государственных программах. Такие индексы идентичности политика памяти формирует с детства с помощью семьи, школы, общественности, закладывая в сознание соответствующие политико-психологические конструкторы.

Всё это имеет непосредственное отношение к состоятельности государства, в связи с чем политика памяти занимает значимое место в государственном управлении. Идентичность «становится призмой, через которую рас-

³ Ожидания от будущего: взгляды оптимистов и пессимистов. 24 ноября 2020 года [Электронный ресурс] // Левада-Центр: данные опросов: [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2020/11/24/ozhidaniya-ot-budushhego-vzglyady-optimistov-i-pessimistov/> (дата обращения: 20.12.2020).

⁴ Ценности, ориентации и участие в политической жизни российского молодого поколения. 30 июня 2020 года [Электронный ресурс] // Левада-Центр: данные опросов: [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2020/06/30/tsennosti-orientatsii-i-uchastie-v-politicheskoy-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokoleniya/> (дата обращения: 20.12.2020).

смаstrиваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни» [2, с. 176–177]. В национальной идентичности такая призма складывается из ценностей истории и культуры народа, что помогает присваивать индекс идентичности важным событиям и оценивать прошлое и будущее.

Политика памяти сохраняет *объединяющие ценности*. Конфликты ценностей гораздо сложнее урегулировать, чем конфликты интересов. Государство с помощью политики памяти стремится предотвращать ситуации конфликта ценностей. «При несовпадающих интересах всегда можно, по крайней мере, попытаться найти какой-то компромисс... шаг за шагом идти к взаимоприемлемому решению. Ценности же бескомпромиссны, в некотором роде они представляют собой базовые примордиальные установки поведения, и потому сблизить их крайне трудно»⁵.

В цитируемом документе поставлены задачи формирования системы ценностей с учётом многонациональной основы нашего государства и система мероприятий. Учитывается, что *значительная часть молодёжи не интересуется политикой* в традиционном смысле этого слова. Политика интересна лишь 19% опрошенных россиян в возрасте от 14 до 29 лет (три института вызывают доверие – волонтёры (49% опрошенных), армия (44%) и президент (42%)⁶.

Армия, военная доблесть сохраняют устойчивые позиции среди ценностей молодёжи, что придаёт особый смысл политике памяти. Военная история играет значимую роль и в других странах. Так, войны занимают важное место в восприятии истории американцами; 80% молодых граждан 14 стран ЕС (опрос 2012–2014 гг.) считают, что именно Вторая мировая война является наиболее значимым событием XX века [14, с. 12]. Наш народ вёл, как правило, освободительные войны и военные действия в силу острой стратегической необходимости, в том числе, помогая союзникам и народам, ведущим освободительные войны.

Политика памяти должна обладать *богатым и привлекательным символьным рядом* [12]. Символизация, соединяющая образ, идею, эмоции, ритуал, придаёт коммеморации «духоподъёмную» силу. Историческая память приобретает характер политико-психологического комплекса, в котором образы общего прошлого в соединении с современными идеями, становятся символами-образцами, которым потомки стремятся подражать. Пример – скульптурно-архитектурный триптих о Великой Победе, выразивший воинскую доблесть и вечную ценность жизни, единство фронта (солдата) и тыла (семьи, матери, ребёнка, труда). «Родина-мать зовёт!» в Волгограде при-

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года» [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/70813498/> (дата обращения: 20.12.2020).

⁶ Более 80% российской молодёжи равнодушны к политике. 30 апреля 2020 года. [Электронный ресурс] // Левада-Центр: данные опросов : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/30/bolee-80-rossijskoj-molodezhi-ravnodushny-k-politike/> (дата обращения: 20.12.2020).

зывает с Мечом в руке к защите Отечества. «Тыл – фронту» в Магнитогорске олицетворяет Рабочего, передающего Меч Воину. В Берлине – «Солдат-освободитель» с Мечом в одной руке и спасённым немецким ребёнком в другой. Логично, что учреждение почётного звания «Город трудовой доблести», символизирующего единство Труженика и Воина, реализовалось в ходе подготовки к 75-летию Великой Победы.

Формируя и реализуя политику памяти, особенно в молодёжной среде, важно также найти *оптимальный баланс между героическим и трагическим, подвигом и мужественным терпением*. Если этот баланс нарушается, возникает тенденция к дегероизации войны, когда «патриотизм подменяется обывательским сарказмом и отстранённостью» [14, с. 5]. С другой стороны, нарушение разумного соотношения между публичным и частным приводит к размыванию «национально-ориентированного нарратива за счёт обращения к теме личности на войне, акцентирования на противоречивости и неоднозначности военных событий» [14, с. 22].

Деятельностная составляющая является одной из существенных характеристик политики памяти, особенно в молодёжной среде. «Деятельностный компонент гражданской идентичности может быть представлен как принятие молодёжью перспективы участника, а не наблюдателя, готовность молодежи влиять на происходящее, принимая всю полноту ответственности за собственные действия; а также как установка гражданина на совместную с другими членами гражданского общества деятельность, стремление к сотворчеству, к достижению согласия путем убеждения» [15, с. 359]. Проекты «Бессмертный Полк», «Лента памяти», работа Роспатриотцентра, «Волонтёры Победы», «МыВместе», конкурсы эссе студентов о Великой Победе (факультет политологии МГУ) и многие другие отвечают этому требованию.

Переходный характер эпохи требует от общества масштабности решаемых проблем при одновременном обеспечении суверенитета и национальной безопасности. Масштабные изменения невозможны без сохранения таких ценностей, как связь поколений, национальная идентичность, патриотизм. Политика памяти формируется и реализуется в условиях обостряющихся войн за идентичность, когда создаваемые конструкты искусственно встраиваются в восприятие реальности через образы, когнитивные схемы, символы, мифы, корректируя или искажая национальный нарратив.

В исследовании таких войн и политики памяти в качестве центрального факта выделяют то, что в переломные эпохи чаще возникают когнитивные диссонансы, связанные с судьбоносными темами, когда рушатся знакомые картины мира. У молодёжи это накладывается на возрастной кризис идентичности, что облегчает воздействие на когнитивные процессы. Так, против нашей молодёжи, особенно студенчества, применяются технологии «когнитивных войн», с помощью которых стремятся «не просто подавить волю противника, но подчинить его сознание» [1, с. 9].

МОЛОДЁЖНАЯ ПОЛИТИКА И ВОЙНЫ ЗА ИДЕНТИЧНОСТЬ

Развёрнутая война за идентичность создаёт немало проблем для педагогов и молодёжной политики в преодолении кризиса юношеской идентичности, без чего трудно говорить об успешной социализации. Социализация может затягиваться, а может и ускоряться, что зависит как от политики, так и от целеустремлённости самих молодых людей. Благоприятное сочетание этих факторов создаёт условия для формирования поколений людей, способных решать проблемы своего образовательного, профессионального и социального роста, а вместе с этим совершенствовать общество и государство. Политика памяти как важная составляющая молодёжной политики отвечает за сохранение связи поколений, основанной на ценностях патриотизма и культурной преемственности.

Патриотизм и культурная преемственность предполагают взаимодействие всех поколений, ныне живущих, ушедших из жизни и будущих, на основе символики событий, обладающих индексом идентичности. Возникает проблема взаимных переходов коммуникативной и культурной памяти о Великой Победе. Всё меньше остаётся в строю ветеранов и тружеников тыла – носителей коммуникативной памяти, приближается «точка разрыва», и необходимо коммуникативную память трансформировать в культурную память народа со своими «местами памяти» [11, с. 156–157]. В целом молодёжь оказалась достаточно подготовлена к восприятию такой культурной памяти во всём её многообразии, активно участвуя в мероприятиях вместе с ветеранами, краеведами, политиками. Например, в реализации проекта «Дорога памяти».

Взаимосвязь коммуникативной и культурной памяти зависит от перестройки системы *исторического образования и просвещения*⁷. Общероссийский опрос ФОМ показал, что 65% молодёжи в возрасте 18–30 лет считают, например, что патриотом не может быть человек, не знающий историю своей страны (ответы населения в целом – 67%)⁸. Но в войнах за идентичность молодёжи возникают проблемы более сложные. Само по себе историческое просвещение, даже «решение задач демифологизации и дефальсификации антироссийского исторического нарратива» через предъявление исторической правды... проблемы не решает» [1, с. 22].

С учётом этого, какие проблемы молодёжной политики требуют особого внимания?

Нарастающая информатизация жизни, особенно молодых граждан, отвечает запросам времени. Но важна оценка количества, разнообразия и контента источников информации. Россияне в возрасте 18–35 лет активнее всех

⁷ К сожалению, эта система подверглась трансформациям, способствующим глубоким травмам исторической памяти российского общества.

⁸ Патриотизм: динамика мнений. 23 Марта 2017 года [Электронный ресурс] // ФОМ: данные опросов: [сайт]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/13261> (дата обращения: 20.12.2020).

пользуются интернетом и социальными сетями, что приводит, в частности, к существованию параллельных медиа-пространств со своими аудиториями и героями, разными индексами идентичности, которые молодёжь присуждает событиям. А это грозит разрывом между молодыми россиянами и старшим поколением. «Индикаторы информированности», в том числе учитывающие доступ к разным источникам информации, тесно связаны также с показателями гражданской активности⁹. Следует освещать успешный опыт использования информационных источников для реализации молодёжных проектов политики памяти¹⁰.

Усиливается сетевой характер всех сфер жизни. Ф. Бродель отмечал, что государства и 200–300 лет назад имели сетевые структуры. Но за последние годы произошло кардинальное изменение природы и функций государства, приобретающего характер сложной коммуникационной сети [19, с. 51]. Социальные сети стали неотъемлемой частью жизни каждого человека и обществ. Но сетевая активность в интернет-пространстве несёт угрозы для политической системы. Государство теряет монополию «на генерацию и трансляцию политического контента, формирование ценностно-смысловых моделей и массовых представлений о политической реальности» [6, с. 33, 35]. Сетевая активность разных субъектов не требует порой значительных усилий, может носить анонимный характер, а информация часто транслируется без ответственности за содержание.

Выход из этой ситуации – в использовании особенностей сетей за счёт эффективной политики памяти и активности молодёжной аудитории. Важно такую сетевую активность трансформировать в *гражданскую, включая в систему совершенствуемых институтов гражданского общества*, преодолевая устоявшиеся стереотипы. В частности, вопреки распространённому мнению, специалисты отмечают, что «*молодые люди – далеко не самая протестно настроенная группа населения. ... Об этом говорят и опросы общественного мнения, и состав участников протестных акций, если рассматривать все мероприятия, проводившиеся в стране за последнее время*»¹¹.

Активизм молодёжи может направляться в полезное русло. По данным опроса 2018 г., о своей готовности к участию в разных видах гражданской активности заявили значимо большее число молодых россиян в сравнении

⁹ Гражданский активизм российской молодежи [Электронный ресурс] / Волков Д. и др. // Левада-Центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2020/10/01/grazhdanskij-aktivizm-rossijskoj-molodezhi/> (дата обращения: 20.12.2020).

¹⁰ В частности, такие проекты как «DOBRO.RU» – сайт волонтерского движения, URL: <https://dobro.ru>; сайт ФГБУ «Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодёжи» (Роспатриотцентр), URL: <https://rospatriotcentr.ru>.

¹¹ Ценности, ориентации и участие в политической жизни российского молодого поколения [Электронный ресурс] // Левада-Центр: данные опросов: [сайт]. 30 июня 2020 года. URL: <https://www.levada.ru/2020/06/30/tsennosti-orientatsii-i-uchastie-v-politicheskoy-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokoleniya/> (дата обращения: 20.12.2020).

со средними показателями по населению в целом (превышение на 10–20%)¹². Почти 40% волонтеров в России – это молодые люди от 18 до 24 лет. В проекте «Ветераны и историческая память» участвуют почти 65 тыс. человек. В 2019 г. численность волонтеров составила более 4 млн человек. Трудно переоценить также гражданскую активность молодёжи, принявшей участие во Всероссийской акции оказания помощи населению в ситуации коронавирусной инфекции «МыВместе». В её рамках, в частности, прошли сотни адресных «концертов во дворах» для ветеранов, более 44 тыс. ветеранов вручили праздничные подарочные наборы¹³.

Активизации политики памяти способствуют *социологические опросы*, например, жителей Курильских островов о принадлежности этой территории, о строительстве православного храма в Екатеринбурге, поправках в Конституцию. По мнению членов Российского общества социологов, опросы выступают «как форма актуализации исторической памяти, что подтверждается в том числе и комментариями студентов, которые они размещали в социальных сетях после прохождения online-опроса» [20, с. 124–125]. Типично такое суждение, как: «опрос заставил задуматься об истории нашей страны» [11, с. 157].

Политика памяти в молодёжной среде может использовать *игровые формы*, в частности, компьютерные игры. Видеоигры как эффективный инструмент закрепляют в сознании представления о событиях прошлого «посредством отображения символического нарратива и психоэмоционального сопряжения пользователя с управляемым им персонажем» [3, с. 59]. Их развитие связано с расширением жанрового разнообразия и внедрением новых элементов «дополненной реальности». Исследователи обращают внимание на рост численности сообщества геймеров в геометрической прогрессии, а также на скрытый потенциал видеоигр, связанный с выстраиванием «системы эмоциональных связей пользователя с элементами игрового мира» [3, с. 54, 56, 59].

Укажем и на ещё одну особенность молодёжной политики. С учётом молодёжного кризиса идентичности современные общества стремятся отдалить момент предъявления «*взрослого счёта*» *ответственности*. Правовые акты часто распространяют понятие «ребёнок» на молодых людей до 18 лет, предоставляя им «психологический мораторий», возможность «отложить решение относительно того, кто ты есть и кем предполагаешь быть», «сориентироваться на будущую идентичность» [21, с. 84]. Школьное образование в мире, как правило, предусматривает 12–13-летнее обучение. В России с поправкой в Федеральный закон о молодёжной политике возрастной период молодёжи увеличивается до 35 лет. Это создаёт благоприятные условия для

¹² Гражданский активизм российской молодёжи [Электронный ресурс] / Волков Д. и др. // Левада-Центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2020/10/01/grazhdanskij-aktivizm-rossijskoj-molodezhi/> (дата обращения: 20.12.2020).

¹³ Доклад о развитии добровольчества в Российской Федерации в 2019 году // Сайт Минэкономразвития России : [сайт]. 02.09.2020. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/doklad_o_razviti_j_dobrovolchestva_v_rossijskoj_federacii_v_2019_godu.html (дата обращения: 20.12.2020).

предоставления более широкому кругу дополнительных социальных гарантий, в частности, молодым семьям. Однако, одновременно возникает ситуация с расширением свободы от ответственности за свои действия (это отразилось в расхожей формуле «Они же дети!»).

Политика памяти, как и любая политика, использует инструмент ответственности и долга. Их формы и виды разнообразны. Например, служба в Вооружённых силах с 18 лет. В России в последние годы приняты важные изменения в законодательстве, касательно политики памяти. В частности, в 2020 г. статья 354.1 Уголовного кодекса России устанавливает уголовную ответственность за реабилитацию преступлений нацизма, что противодействует посягательствам на историческую память о Великой Победе и возрождению нацизма, соответствует требованиям международного права, начиная с приговоров Нюрнбергского трибунала; и Конституции России, в соответствии с ч. 3 ст. 67.1. – в России обеспечивается защита исторической правды («Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осуществление политики памяти, включая научные разработки, дискуссии с широким кругом участников, в том числе молодёжь, коммеморативные мероприятия – результат совместных усилий государства и общества.

Как показывает проведённый анализ, предстоит серьёзная работа по совершенствованию содержания и организационной структуры политики памяти. Для этого апробируется широкий круг технологий, инструментов и ресурсов. Свою деятельность не только на национальном, но и на международном уровне активизируют «Российское историческое общество», «Русское географическое общество». Значительным потенциалом для формирования политики памяти обладают СМИ, социальные сети, а особенно телеканалы и блогеры.

Политика памяти становится политико-психологическим ресурсом развития России, поддержания единства поколений российского народа, несмотря на войны за идентичность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдасарян В. Э. Когнитивные матрицы манипулятивных технологий в войнах и революциях нового типа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 8–23.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
3. Белов С. И., Кретова А. А. Компьютерные игры как ресурс реализации политики памяти: практический опыт и скрытые возможности (на материалах позиционирования событий Великой Отечественной войны) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 54–63.

4. Бродель Ф. Материальная организация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.: в 3 т. Т. 2. Игры обмена. М.: Прогресс, 1988. 672 с.
5. Великая Отечественная война в исторической памяти молодежи стран-участниц евразийской интеграции / Г. И. Осадчая, И. А. Селезнев, Е. Ю. Киреев, А. А. Черникова // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 3. С. 7–25.
6. Володенков С. В., Ромашкина А. Б. Технологии интернет-коммуникации как инструмент влияния на функционирование современных институтов власти: актуальные вызовы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 33–40.
7. Громыко Ю. В. Антропология политической идентичности. М.: АРКТИ, 2006. 399 с.
8. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров): Аналитический доклад / Институт социологии РАН. М.: ИС РАН, 2011. 304 с.
9. Капицын В. М. Политическая идентификация как механизм институционализации политического участия: дис. ... докт. полит. наук. М., 1999. 328 с.
10. Капицын В. М. Теория и политика идентичности. М.: ИНФРА-М, 2018. 219 с.
11. Культурная преемственность поколений: студенты России о Великой Отечественной войне / О. В. Власова, Н. В. Дулина, Е. Н. Икингрин, И. А. Кнельц, А. А. Никифорова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета 2020. № 2(65). С. 156–159.
12. Малинова О. Ю. Стратегическая культура и фреймы коллективной памяти (на примере постсоветской России) // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 11. С. 75–91.
13. Манойло А. В., Стригунов К. С. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. М.: Горячая линия-Телеком, 2020. 378 с.
14. Не забудем, но простим? Образ войны в культуре и исторической памяти: Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» / О. Н. Барбанов и др. М., 2020. 47 с.
15. Попп И. А. Конструирование гражданской идентичности российской молодежи через проекты по сохранению исторической памяти // Вопросы всеобщей истории. 2020. № 23. С. 355–362.
16. Овчинников А. В., Половецкий С. Д., Седых В. В. Предъюбилейные размышления: ценности и смыслы общей памяти о Великой победе // Ценности и смыслы. 2019. № 6(64). С. 6–17.
17. Романовская Е. В., Фоменко Н. Л. Идентичность и коммеморация // Власть. 2015. № 7. С. 81–84.
18. Социальная травма и ценности поколений: Великая Отечественная война в исторической памяти студенческой молодежи / С.Д. Лебедев, И. С. Шаповалова, Н. А. Рошупкина, А. А. Шкапенко // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. № 2. С. 3–18.
19. Турен А. Социальные изменения двадцатого столетия // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 4. С. 49–54.

20. Цена Победы: что помнят и знают студенты России о Великой Отечественной войне (четвертая волна федерального проекта Российского общества социологов) / Ю. Вишнеvский, Н. Дулина, Е. Икингрин, В. Мансуров, Е. Прошина, Г. Широкалова, Д. Шуруин // Социум и власть. 2020. № 2(82). С. 124–125.
21. Эриксон Э. Г. Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование / пер. А. М. Каримский. М.: МЕДИУМ, 1996. 506 с.
22. Assmann J. Communicative and Cultural Memory // *The Theoretical Foundations of Hungarian 'lieux de mémoire' Studies* / edited by S. Varga. Debrecen: Debrecen University Press, 2013. P. 36–43.

REFERENCES

1. Bagdasaryan V. E. [Cognitive matrices of manipulation technologies in wars and revolutions of a new type]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences], 2020, no. 1, pp. 8–23.
2. Bauman Z. The individualized society (Russ. ed.: Inozemtsev V. L., transl., ed. *Individualizirovannoe obshchestvo*. Moscow, Logos, 2005. 390 p.).
3. Belov S. I., Kretova A. A. [Computer games as a resource of the politics of memory: practical experience and hidden opportunities (based on games representing World War II events)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences], 2020, no. 1, pp. 54–63.
4. Braudel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe–XVIII siècle* : en 3 vol. Vol. 2. Les jeux de l'échange (Russ. ed.: *Material'naya organizaciya, ehkonomika i kapitalizm XV–XVIII vv. T. 2. Igrы obmena*. Moscow, Progress, 1988. 672 p.).
5. Osadchaya G. I., Seleznev I. A., Kireev E. Yu., Chernikova A. A. [The Great Patriotic War in the historical memory of the youth of the countries participating in Eurasian integration]. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Socio-humanitarian knowledge], 2020, no. 3, pp. 7–25.
6. Volodenkov S. V., Romashkina A. B. [Internet communication technologies as a tool of affecting modern governmental institutions: Current challenges]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences], 2020, no. 1, pp. 33–40.
7. Gromyko Yu. V. *Antropologiya politicheskoy identichnosti* [Anthropology of Political Identity]. Moscow, ARKTI Publ., 2006. 399 p.
8. *Dvadcat' let reform glazami rossiyan (opyt mnogoletnikh sociologicheskikh zamerov): Analiticheskij doklad* [Twenty years of reforms as perceived by the Russians (results of sociological measurements over the period): Analytical report]. Moscow, Institute of Sociology RAS Publ., 2011. 304 p.
9. Kapicyn V. M. *Politicheskaya identifikaciya kak mekhanizm institucionalizacii politicheskogo uchastiya* : dis. ... dokt. polit. nauk [Political identification as a mechanism for the institutionalization of political participation: D. thesis in Political sciences]. Moscow, 1999. 328 p.

10. Kapicyн V.M. *Teoriya i politika identichnosti* [Identity theory and politics]. Moscow, INFRA-M Publ., 2018. 219 p.
11. Vlasova O. V., Dulina N. V., Ikingrin E. N., Knelts I. A., Nikiforova A. A. [Ultural continuity of generations: students of russia about the great Patriotic war]. In: *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [The Surgut State Pedagogical University Bulletin], 2020, no. 2(65), pp. 156–159.
12. Malinova O. Yu. [Strategic culture and frames of collective memory (the case of post-Soviet Russia)]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political science], 2018, no. 11, pp. 75–91.
13. Manojlo A. V., Strigunov K. S. *Tekhnologii neklassicheskoy vojny. Genezis. Ehvolyuciya. Praktika* [Non-classical war technologies. Genesis. Evolution. Practice]. Moscow, Hotline-Telekom Publ., 2020. 378 p.
14. Barabanov O. N., et al. *Ne zabudem, no prostim? Obraz vojny v kul'ture i istoricheskoy pamyati: Doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valda»*, Moscow, 2020. 47 p.
15. Popp I. A. [Constructing the civic identity of Russian youth through projects to preserve historical memory]. In: *Voprosy vseobshchej istorii* [Questions of General History], 2020, no. 23, pp. 355–362.
16. Ovchinnikov A. V., Polovetskiy S. D., Sedykh V. V. [Pre-jubilee reflections: values and meanings of common memory of the Great Victory]. In: *Cennosti i smysly* [Values and meanings], 2019, no. 6(64), pp. 6–17.
17. Romanovskaya E. V., Fomenko N. L. [Identity and commemoration]. In: *Vlast'* [The Authority], 2015, no. 7, pp. 81–84.
18. Lebedev S. D., Shapovalova I. S., Roshchupkina N. A., Shkapenko A. A. [Social trauma and values of generations: the Great Patriotic War in the historical memory of students]. In: *Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie* [Research result. Sociology and management], 2020, vol. 6, no. 2, pp. 3–18.
19. Turen A. [Social changes of the twentieth century]. In: *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological review], 2002, vol. 2, no. 4, pp. 49–54.
20. Vishnevskij Ju., Dulina N., Ikingrin E., Mansurov V., Pronina E., Shirokalova G., Shkurin D. [Price of the Victory: what students of Russia remember and know about the Great Patriotic war (The fourth wave of The federal project of the Russian society of sociologists)]. In: *Socium i Vlast'*, 2020, no. 2(82), pp. 124–125.
21. Erikson E. H. *Young Man Luter: A Study in Psychoanalysis and History* (Russ. ed.: Karimskii A.M., transl. *Molodoj Lyuter. Psikhooanaliticheskoe istoricheskoe issledovanie*. Moscow, MEDIUM, 1996. 506 p.)
22. Assmann J. Communicative and Cultural Memory. In: Varga S., ed. *The Theoretical Foundations of Hungarian 'lieux de mémoire' Studies*. Debrecen, Debrecen University Press, 2013, pp. 36-43.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 15.02.2021

Статья размещена на сайте: 24.05.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Капицын Владимир Михайлович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: kapizin@yandex.ru

Симонова Анастасия Игоревна – аспирант кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: stasya_simona@mail.ru

Vladimir M. Kapitsyn – Dr. Sci. (Political Sciences), Prof., Department of the Comparative Political Science, Lomonosov Moscow state University; e-mail: kapizin@yandex.ru

Anastasia I. Simonova – Postgraduate Student, Department of the comparative Political Science, Lomonosov Moscow state University; e-mail: stasya_simona@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Капицын В. М., Симонова А. И. Великая Победа в политике памяти: войны за идентичность молодёжи // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Kapitsyn V. M., Simonova A. I. The Great Victory in the politics of memory: the wars for the identity of young people. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru.